

НАВЕЩЕСТВИЕ ПЛОТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Blutige Faust519

Нашествие Плоти

<https://litres.ru/74604562>

SelfPub; 2026

Аннотация

Умрёт Бог, а гной начнёт капать на планету.

Эта история в рамках огромной вселенной "Коровья вода" - альтернативная история человечества, в которой произошли темные, жуткие события. В 1099 году Крестоносцы осаждают Иерусалим и сами того не понимая, убивают бога и погружают мир в эпоху безбожия, а карта мира сильно меняется. Сама книга, нашествие плоти, рассказывает об одном из событии этой вселенной в сеттинге Первой Мировой Войны(а также ВМВ), где происходит вторжение сверх организма, поглощающего роя на одну из стран. Гарнизоны разбиты, все перекладывают ответственность друг на друга и в итоге, в мясной штурм бросают едва закончивших заведение кадетов военной полиции. Просто ли это вторжение организма? Хороший вопрос...

Книга обильна насилием и жестокостью, а огромное количество дат, событий идеологий, персонажей, что делает высокий порог входа - не для новичков, но я уверяю, что после прочтения, вы испытаете оргазм.

Содержание

Глава 1. "Те, с которых всё началось"	4
Глава 2. Гниль в правительстве	32
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Blutige Faust519

Нашествие Плоти

Глава 1. "Те, с которых всё началось"

"Уважаемые граждане, великое и доброе правительство Вегиммии очень озабочено вопросом прекращения поставок зерна и дров в город. Просим вас успокоиться и разойтись по домам, будьте уверены - ситуация решится совсем скоро", - надрывая голос, кричал митингующей толпе полицейский.

В Тчеве, городе недалеко от Данцига и столицы Вегиммии, уже несколько недель как прекратились поставки зерна и дров. Первое время это не ощущалось, и правительство надеялось, что поставки возобновятся раньше, чем народ что-то заметит, но они облажались. Куда легче было при Крюгере: тогда не было запрета на мясной принцип подогрева, и люди разводили фермы насекомых. Однако после смены правительства и запрета этого метода вернулись дрова и другие, менее эффективные способы.

Митинг не был большим и собрался не в самом центре города, но, помня об опыте восстаний при Крюгере, на место

прибыл отряд военной полиции - карателей в количестве 11 человек. Их отряд был еще "зеленым" - они только выпустились из кадетского училища, в котором обучались военному делу с 11 до 16 лет. На вопрос юнцов, почему отправили их, а не более опытных, им ответили: "Пускай это будет вашим первым реальным заданием". Хотя на самом деле старшие и опытные просто отказались и спихнули все на новобранцев - здесь царила дедовщина. Их задача - разгон митинга физической силой, и для этого они были вооружены дубинками и газовыми винтовками. Новобранцы стояли за кирпичной стеной давно обрушившегося здания и ожидали приказа... Все они впервые должны были нанести физический вред другому человеку, и среди них - Вальтер Вальтер и Рудольф Бисмарк.

Два парня, дружившие с детства, поступили в одно училище, еще с юности мечтая о том, как будут "бить плохих ребят". Но реальность оказалась другой - теперь "плохими ребятами" можно было назвать их самих, ведь они собирались бить тех, кто просто хочет жить. Эти мысли не давали покоя Вальтеру. Хотя за годы службы он все еще хотел, чтобы его детская мечта была правдой.

"Зачем мы бьем тех, кто просто хочет жить, а не выживать? Мы же давно покончили с каннибализмом и повсеместной аморальностью. Это ненормально", - говорил шепотом Вальтер, думая, что произносит это про себя.

Это услышал Рудольф, стоявший рядом и проверявший

баллоны на наличие газа. В их дружбе не было "жестких запретов": они могли оскорбить друг друга и даже ударить, при этом все понимали шутку, даже когда постороннему человеку показалось бы, что это настоящее оскорбление. Несмотря на это, Вальтер был более сдержанным и усидчивым, пока Рудольф говорил и делал все то, что думает.

- Ты чего? Сам с собой опять разговариваешь? Лови журавля!

Рудольф дал легкий подзатыльник по черному полицейскому шлему Вальтера, на верхушке которого красовался золотой пикельхауб. "Лови журавля" - кадетский прикол, в ходе которого дают подзатыльник (неважно - по голове, шлему или другому головному убору), если человек разговаривает сам с собой. Разговоры с самим собой (и еще кое-что похуже), похоже, уже генетически являлись нормой для большей части населения из-за событий первого и второго ударов...

Рудольф - лучший друг Вальтера еще с детства. Хотя они и жили на достаточно большом расстоянии, они часто виделись и проводили время вместе. Парень был рыжим и выше Вальтера на несколько сантиметров. Добавляя еще больше отличий между ними, Бисмарк, как уже было сказано, говорил то, что думает, и был куда более "вольным", чем Вальтер.

От удара шлем перекосялся вперед и закрыл глаза Вальтеру, а от неожиданности тот вздрогнул, и его белые волосы полезли на лицо.

- Ай, - сказал Вальтер и поправил шлем.

- Если заговорил вслух, то рассказывай, о чем, - сказал Рудольф.

Вальтер знал позицию Рудольфа. Тот уже давно поменял взгляды: из детской мечты, в которой он хотел наказывать всех плохих, он вырос в того, кто хочет максимально обезопасить себя, иметь статус и хороший заработок. Вальтер, который все так же хотел работать по "справедливости", понимал выбор Бисмарка. Они жили в том мире, где человека запросто могли загрызть черви, а служба в военной полиции в первую очередь гарантировала безопасность - ведь даже находясь в зоне боевых действий на карательных операциях, они проводили эти операции за линией фронта. Вальтер солгал, поскольку если бы он сказал правду, то это переросло бы в спор.

- Да вот думаю, зачем нужно было запрещать... - Вальтер запнулся, потому что забыл, как это называется.

- ...запрещать плоть в качестве топлива? Правительство не видит, в какую отсталость это ввергло страну?

- Бессмыслица та еще... И самое забавное, что сами власти толком не объяснили это. Заставили местных управляющих и генералов проямлить какую-то чушь, и все, - ответил Рудольф.

- ...А народ это терпит, как будто так и надо. Даже мерзко.

- А? - удивился Рудольф.

Руд редко слышал от Вальтера резкие заявления, и тем более - заявления в адрес простого населения, зная его от-

ношение к людям. Такое случалось не впервые, но достаточно редко.

- Мерзко от покорности вегиммцев. Сидит себе как наказанный ребенок и терпит. А ведь непонятно - почему при этом мудак практически все терпит, а при Крюгере восстания поднимал?

- Я бы не сказал, что терпят. Ты вот глянь... - Рудольф выглянул из-за стены и показал пальцем в сторону бунтующей толпы. - Все же иногда у народа терпение кончается... Что печально.

Бисмарк облокотился на стену и приспустил шлем на глаза, собираясь подремать. Это была его привычка еще со времен обучения - дремать в самые неподходящие моменты. Но болтовня Вальтера не давала ему расслабиться.

- "Иногда кончается терпение"? Ты к чему клонишь, Руд? При Крюгере от любой мелочи восставали, а здесь только после нескольких недель издевательств собрался митинг из 70 бабок. И то есть, по-твоему, это нормально?

- Чего ты так взъерошился? Наоборот, хорошо, не надо нам лишний раз подниматься. Нам все равно платят одинаково - что мы скачем по всей Вегиммии и фронту как ишаки, что мы месяцами сидим где-то в Данциге или Смертоберге, гоняя шпану от скуки и потягивая очередное пиво.

- А я, может, пошел в полицию не потому, что здесь можно отлынивать и тебе никто ничего не сделает. По крайней мере, не сдохну от цирроза в 30.

Вальтер сказал это, надеясь вывести Рудольфа из себя и намекая на его слишком большое пристрастие к алкоголю, поскольку был заряжен на спор. Рудольф хотел ответить, но понял смысл сказанного и осознал, что Вальтер "берет его на понт". "Если играть, то по-крупному", - прозвучало в голове Руда.

- Говоришь прямо как моя бабка. Вообще, помереть от цирроза - лучше, чем быть пойманным в плен французами и быть там убитым, ну или если тебя сожрет черная плоть где-то на границе Орды с Белполюшей.

Вальтер понял, что началась "игра" - кто кого остроумнее заткнет, вошел в азарт и даже позабыл, что спорил не в шутку о глупом терпении вегиммцев.

- По крайней мере, помнить меня будут как героя, ну или воздвигнут памятник неизвестному солдату. А то как потом твои родственники на похоронах будут выглядеть? Рыдать по алкоголику, пившему без перебоя?

- Их не будет.

Это был намек на родных Вальтера, а точнее - на отсутствие каких-либо вестей от них. Единственное, что знал Вальтер (или о чем не говорил), так это то, что они участвовали в восстаниях при Крюгере, а сам он рос на луковой ферме с няней и несколькими другими детьми.

- Да ты...

Хотя Вальтер и привык к шуткам на этот счет, прямо сейчас это прозвучало не просто обидно, а означало его пораже-

ние в этом шутовском споре. Размахнувшись, он хотел было вклепить другу подзатыльник, но Рудольф, который облокотился на стену, в момент размаха случайно сполз на несколько сантиметров вниз, пропустив удар. Он не сразу понял, что вообще произошло, и догадался только тогда, когда увидел стоявшего в недоумении Вальтера. Тот протягивал долгое "ээ?", а Рудольф засмеялся, возгордившись своим везением. Крепкий удар по шлему принес бы боль и Вальтеру, а у Рудольфа от такого было чувство, будто его ударили молотом.

- И все же народ - терпила ты еще, - несмотря на веселую атмосферу, продолжил о своем Вальтер.

- Ну, по факту оно так и есть. Но мне отлично живется, был бы ты попроще... - Рудольф замолчал, осознав, что сейчас может начаться новый спор, и решил все мирно закончить.

- Думаю, что кто-то сейчас где-то сидит и планирует переворот. Если тебе так хочется, то можешь вступить в ряды этих... как их там... восставших.

- Знал бы - вступил. Я служу за идею. От голода я не помру, крыша над головой тоже есть, поэтому деньги и комфорт как-то на второй план отходят.

- А может, ты просто изначально за идею был?

- И это не исключаю. Еще на ферме няня говорила, что если тебя тянет именно идея работать или служить где-то, то именно там тебе и место. Намек ли это был от нее, что я пойду в полицию и, возможно, организую переворот?

- Хах, Вальтер, ты хотя бы не облажайся на разгоне этих калек, а потом о восстании думай. Забыл, как ты еще в училище на элементарных заданиях, по типу сборки винтовки, тупил?

- Ну, ты сам сказал про восстание, и я поддержал тему... И моя скорость сборки винтовки вообще ничего не значит. Тебе это хоть раз где-то не на учениях пригодилось? Вряд ли. Да и если бы я тупил везде, я бы не прошел все обучение - вылетел бы, и отправили бы в пехоту. А так, как говорили инструктор и Геринг, у меня весьма светлый ум.

- И когда они это говорили? Я не припомню такого, вроде наоборот - обсирали тебя при первой же возможности, - усмехнулся Рудольф, решившись, наконец, поправить шлем.

- Я за несколько недель до выпуска слышал из их кабинета, как они разговаривали, и Геринг сказал: "У Вальтера нет выдающихся физических достижений, но у него крайне светлая голова. Далеко пой...".

Не успел он договорить, как Рудольф прервал его:

- Пряма сам Геринг? В жизни не поверю, что он это сказал бы.

- Хочешь верь, хочешь нет, но он так сказал.

Хотя на фоне разговаривали другие новобранцы, для них двоих будто повисла мировая тишина, которую прервал Рудольф, спросив осторожно, сам начинает верить в слова Вальтера:

- А про меня там, случаем, ничего не говорили, а?..

- Про тебя? Не услышал. Но, наверное, обсуждали, потому что, как я понял, они разговаривали о выпускниках. Услышал только про Герду, Хуберта... ну и про меня.

- Про меня? Про меня что-то говорили?

В разговор вписался Хуберт, который стоял рядом и слышал их беседу. Это был низкий парень с короткими волосами и нелепыми глазами, будто он - игрушка, но от этого он был по-своему мил. Хуберт был общим другом для них двоих и поэтому позволил себе влезть в разговор, но не был слишком близким. Вдобавок к нелепой внешности, его характер полностью соответствовал лицу - крайне любопытный и мыслящий поверхностно. Можно было назвать его даже назойливым и немного глупым, но никто его так не называл, поскольку все его любили.

- Да, Хуберт, говорили, - ответил Вальтер.

- И что говорили?

- Я не расслышал, так как уходил, но сказали что-то про твою быструю обучаемость. Либо что-то в этом роде.

- Вау... Чтобы так сказал инструктор...

- Геринг, это говорил Геринг, - поправил его Вальтер.

- Еще и сам Геринг?! Охереть!

Хуберт буквально светился от радости и, как это часто бывало от переизбытка счастья, начинал все больше вступать.

- Вы там говорили что-то про переворот, так вот - я бы с радостью взял оружие и пошел с вами!

Парень хотел еще что-то сказать, но Рудольф, понимая,

что их мог кто-то услышать, рукой закрыл ему рот, а свободной рукой, приставив палец к губам, приказал замолчать. Вальтер дополнил:

- Тихо ты, Хуберт. Я, конечно, рад твоим порывам, но будь потише, а то нас могут немного за это казнить.

Хуберт не был глупым и, вспоминая слова Геринга о его быстрой обучаемости, понял все и сам, без лишних просьб отошел от них. Вновь повисло молчание, которое прервал Рудольф:

- Ну вообще, если бы среди этих восставших был ты и много наших парней, то я бы тоже пошел...

Вальтер улыбнулся и сполз вниз по стене, сев на землю и ничего не говоря. Чаще всего в таком формате и проходили его споры с Рудом.

- Зелень, подъем! - прозвучал прокуренный голос того самого полицейского, который

пытался убедить толпу в том, что все в порядке и им стоит пойти домой. Но толпа, очевидно, его не послушала, и он, зная, насколько начальству будет все равно, скинул всю ответственность на новобранцев-карателей (хотя их должны были поднять только тогда, когда митингующие начали бы проявлять агрессию).

- Сейчас встанете и пойдете гонять толпу. Стрелять в крайнем случае, дубинками побейте пенсию да газ закиньте им. Все понятно? - спросил полицейский, немного нагибаясь вперед, будто желая лучше услышать вопросы новобранцев

и посмотреть им в лица.

Вопросы были, в том числе и у Вальтера с Рудольфом, но он не стал никого слушать и пошел прочь, поправляя съехавшую с плеча винтовку. Уходя, полицейский позвал сидевшего рядом на ящике приятеля:

- Пошли, им бесполезно что-то отвечать. В казармах как раз наши притащили какие-то новые карты, говорят, французские...

Он рассчитывал, что его напарник слышал весь инструктаж для новобранцев, но тот ничего не расслышал, и ему пришлось дополнить свою речь:

- Говорю же, на зелень все скинул. Или зачем их сюда притащили? Пускай учатся.

Новобранцы посмотрели в сторону уходящих за небольшой пост полицейских и начали готовиться к разгону толпы. Часть карателей готовилась к этому с пустыми лицами, будто это происходило каждый день. Из таких был Рудольф и несколько их с Вальтером общих друзей: Герда, Зигфрид и Дайон. Другая же часть, среди которой были Вальтер и Хуберт, была более эмоциональной, и на их лицах читалась растерянность (но не у всех это было от того, что им приходится бить обычных людей: кто-то боялся последствий, кто-то видел своих знакомых и так далее). Вальтер чистил винтовку, хотя стрелял бы в самую последнюю очередь, и вспомнил, как Рудольф хотел что-то спросить у того полицейского - это было не в его формате, что-то спрашивать.

- Руд, а что ты хотел спросить?

- У кого?

- У полицейского этого, кого ж еще.

- Да я спросить хотел, а можно ли потом будет уйти.

- А, ну... Я мог бы и предположить, что ты задашь этот вопрос.

- Так почему спрашива... - прервался Рудольф.

Вальтер не понял, в чем дело, и спросил у Бисмарка, что случилось. Тот ничего не ответил и встал прямо, а винтовку повесил на плечо.

- Руд? - даже испуганно спросил Вальтер и начал всматриваться в его глаза, пытаясь понять, куда он смотрит.

Рудольф покосился на него, задвигал мышцами щек и косо глянул на друга.

- Руд? - еще раз спросил Вальтер.

И на этот раз Бисмарк едва различимым шепотом все-таки сказал, в чем дело:

- Он... офицер...

А затем хором со всеми другими новобранцами (кроме Вальтера) они отдали воинское приветствие:

- Здравствуй, офицер Барнс Альфред!

От высокого мужчины в военной форме прозвучало: "Вольно, ребята", - и только после этого Вальтер смог повесить винтовку на плечо и отдать приветствие. Он сделал это уже после команды Барнса, из-за чего на него косо посмотрел Зигфрид и еще несколько новобранцев. Зигфрид еще с

самого начала обучения не сдружился с Вальтером, но им приходилось мириться с присутствием друг друга в одной компании из-за общих друзей. Он был как Рудольф, но говорил не прямо и без шуток, а тонко намекая. Зигфрид имел куда лучшие физические показатели (он был одним из лучших в этом плане: почти 190 см роста и крепкое телосложение), чем Вальтер, но вести себя как собаки на цепи по отношению друг к другу они стали из-за споров насчет взглядов еще в самом начале обучения и банальной взаимной зависти.

Барнс - без преувеличения великий офицер. Сейчас ему за 60, он сутулится, у него лысина и очень длинные усы, но раньше (да и сейчас) Альфред руководил легендарной 11-й кавалерийской дивизией. Под его командованием дивизия в одиночку разгромила восставших в Ганновере еще при Крюгере, при этом мастерски влившись в ряды восстания и уничтожив их за одну ночь. План полностью принадлежал Барнсу, который, кстати, являлся шотландцем, чьи родственники мигрировали в Вегиммию из Фортезии Лондон еще во времена второго удара. Помимо разгрома восставших в Ганновере, его 11-я кавалерийская дивизия совершила много подвигов, сражаясь с французами и Черной Ордой. Сейчас в силу возраста он дает уроки будущим командующим и, как сегодня, благодаря своему мастерскому навыку заговаривать людей, разгоняет митинги одной лишь речью.

Проходя вдоль стоявших как попало новобранцев, Барнс остановился у самого крайнего из них, быстро развернулся

лицом к карателям и, как будто он был для них отцом или другим близким человеком, начал расспрашивать о ситуации:

- Родные новобранцы, то, что вас отправили на ваше первое задание вне полигона - это хорошо, но нехорошо калечить людей тогда, когда дипломатия все еще доступна. Плохо ваши наставники обучили этому...

Барнс посмотрел в другой конец строя, в сторону того самого моста, куда ушли полицейские, давшие им указания. Он явно намекал на то, что встретил их и понял всю ситуацию.

Почесав запястье, на котором красовался большой шрам, Барнс продолжил, уже расспрашивая новобранцев:

- Значит, вам приказали разогнать толпу... Рассказали ли вам про поведение толпы, дети?

Полицейские-каратели разом замотали головами, а несколько ответили: "Нет".

- Плохо. Толпу трудно контролировать, не зная, чего можно от нее ожидать. А кто там хотя бы? А то я ничего не вижу... Шел как раз за очками, а тут такое.

Офицер провел рукой по лысине, будто там были волосы, а потом начал всматриваться в сторону толпы. Митингующие не знали, что буквально за стеной стоят каратели, готовые переломать им кости за непослушание полиции. Как и в прошлый раз, все 11 новобранцев ответили бы вместе, но पहले всех вызвалась Герда. Герда - самая молодая из всех

новобранцев, но от этого не менее полезная и нужная. Она была как луч света: даже с тихим и жестким Зигфридом находила общий язык, а ее рыжие, можно сказать огненные волосы подтверждали то, что она была "солнцем". Герда была заучкой и выскочкой, но от этого ее меньше никто не любил.

- Офицер Барнс, среди толпы в основном старики и женщины!

Офицер, осматривавший в это время новобранцев, начал искать взглядом девушку и нашел ее только по звуку и ярко-рыжим волосам.

- Спасибо, девочка, - сказал он с улыбкой и пошел в сторону толпы.

Герду напрягло, что он пришел сюда не по приказу, а просто проходил мимо. Она посчитала, что просто так выходить к толпе опасно, и спросила у Барнса, стоит ли ему идти к злой толпе без охраны. Альфред ответил:

- Вы же здесь с винтовками и дубинками стоите, чего мне бояться?

Все смотрели вслед уходящему Барнсу. Рудольф и некоторые другие вздохнули с облегчением - ведь не придется делать всю грязную работу.

Офицер Барнс Альфред напомнил Вальтеру инструктора Рим Харнер (хотя и не совсем инструктора). Рим преподавала пару дней несколько раз в год, в основном когда все другие инструкторы болели либо были на заданиях. Ее любили все за методы преподавания, в которых она часто обраща-

лась к теме полезности навыков в реальной жизни, хотя она стремилась в командующие, а не в преподаватели для сопляков. А еще, возможно, ее любили за то, что она была ненамного старше их и находила с ними общий язык. Вальтеру, к примеру, было 16 лет, а ей - 24 года. Вальтер положил руку на плечо Рудольфа, который все еще стоял в удивлении от встречи с Барнсом и пришел в себя

только тогда, когда друг начал трясти его за плечо.

- А? Чего тебе? - спросил Рудольф.

- Я вспомнил, как ты рассказывал, что Рим недавно дослужилась до нового звания. Вроде бы младшего преофицера... или как там его?

- Вот еще что вспомнил. Она еще два месяца назад до этого звания дослужилась. - Рудольф замолчал, а после добавил, чувствуя подвох: - А ты чего спрашиваешь-то?

- Да вот подумал... Она же твой родственник, так, может, от этого нам что-то перепадет?

Рудольф усмехнулся.

- Хах, еще чего! Она мой очень дальний родственник, так что даже мои родители об этом узнали только от меня. Да и за то время, когда она у нас преподавала, я не припомню каких-то поблажек для нас или хотя бы для меня.

- А как ты вообще узнал, что вы родственники? У вас же фамилии разные, да и вы не похожи... Ну, только характерами смахиваете.

- Да я как-то в городском архиве засиделся и нашел что-то

наподобие справочника фамилий Килена. Ради интереса посмотрел, что там по Бисмаркам происходит. Я-то понимаю, что фамилия не редкая, но быстро нашел свою бабуку, а через нее случайно наткнулся на Рим. Даже не знал, что она из Килена.

Вальтер был удивлен. Ему казалось, что находить родственников - это очень простое дело, и они сами все находятся. Но на самом деле ты можешь дружить с человеком, а окажется, что он твой родственник.

- Наверное, там был не чисто справочник фамилий Килена, а еще и генеалогическое древо.

Рудольф ничего не ответил, а выглянул из-за угла, посмотрел на Барнса, который пытался привлечь внимание толпы к себе, а после вернулся к диалогу с Вальтером:

- Да мне без разницы, главное, что узнал это. Ну а фамилии разные в итоге потому, что от нее кто-то взял одну фамилию, потом другую, ну и так далее. Хах, помню лица родителей до сих пор, когда приехал на каникулы и рассказал, что узнал.

- А ты не интересовался у самой Рим, знает ли она об этом? Если бы знала, то, возможно, тебе что-то и перепало бы.

- Узнавал, конечно. На следующий же день. Тогда еще, если помнишь, у нас было всего несколько пар и все с Рим, а к 12 нас отпустили, потому что вести некому больше было. Я после занятий зашел в ее кабинет. В нем сильно воняло

мясом, а она сама сидела, закинув ноги на стол, и что-то такое же вонючее ела. Подхожу, дрожу так, будто передо мной не сестра дальняя, а Гиммлер или Геринг. Рассказываю, что узнал, а она так спокойно говорит: "Да я это уже давно знаю", - и отвечает на все мои вопросы так невозмутимо, прикинь.

- А как она сама это узнала? - раздался грубый голос.

Рудольф подумал, что это спрашивает Вальтер, но осознал, что голос подозрительно груб для его друга.

- Что за... - протянул он и посмотрел в сторону Вальтера, который глядел куда-то выше.

Повернув голову в другую сторону, он увидел Зигфрида, стоявшего рядом и скрестившего руки. Дурная привычка ненадежного человека - вступать в тот разговор, где этого делать вообще не нужно. Зигфрид был ненадежным напарником: за время обучения он часто вытворял всякую дрянь, и именно от него Вальтер и другие чувствовали, что в случае чего можно ждать нож в спину.

- Руд, да успокойся ты, я же не быю, - засмеялся Зигфрид, смотря на Рудольфа сверху вниз и взявшись за его шлем.

Бисмарк, сам того не понимая, пригнулся и выскользнул из "объятий" Зигфрида. Он не понял, к чему было это действие, но не придал значения. Лицо Вальтера оставалось серьезным, но он косо поглядывал на Зигфрида, будто ожидая момента, чтобы начать спор.

- Да, Руд, чего такая тряска? Вроде обычный вопрос... Еще раз спрошу: а как Рим-то узнала об этом?

Вроде бы в любознательности Зигфрида не было угрозы или насмешки, просто совершенно ненужный вопрос, и Рудольф хотел было ответить. Но этого было достаточно, чтобы Вальтер (и не только он) возмутился.

- Зиг. - Зигфрид поменялся в лице. - К чему такая любознательность? В чем суть вступать прямо в середину чужого разговора?

- А тебя что, волнует?

- Еще как волнует. Это, так-то, был мой разговор с Рудом, а не то что я просто посторонний и, как осел, встречаю там, где это не нужно, - ответил Вальтер, повернувшись к Зигфриду полностью.

Рудольф понял, что от него сейчас ничего не будет зависеть, и выскользнул между ними двумя, освободив пространство. Небольшими шагами Зигфрид начал подходить ближе. Спор, возможно с дракой, готов был развернуться в тот же миг, пока за Вальтера не вступился сначала Рудольф, который вообще старался уйти от разговора, а потом - Герда, Хуберт и даже не знакомые им другие новобранцы, увидевшие разгоревшуюся ссору. Все осуждали Зигфрида за его чрезмерное любопытство, на что тот пытался не реагировать, но все-таки сдался и сам отошел от Вальтера. Герда бросила ему что-то оскорбительное вслед, но это же Герда. Даже оскорбления от нее на самом деле были похожи на слова матери, которая ругает своего маленького ребенка за то, что он выбросил игрушку из люльки. Зигфрид готов был избить здесь

каждого, но после слов рыжеволосой

успокоился. Будто разъяренному быку вкололи успокоительное.

Пока Вальтер разговаривал уже не только с Рудольфом, но и с остальными, Барнс толкал свою речь митингующим. Он не знал многих деталей и даже того, из-за чего митингуют. Альфред надеялся на свою антиправительственную речь, которая всегда работала на успокоение толпы. Власти прекрасно понимали взгляды Барнса, но ничего сделать не могли: ведь если его казнить или посадить за решетку - Вегимия ослабнет. Между ним и властями сохранялся нейтралитет. Его никто не трогал, а он не поднимал солдат и народ на активные действия, хотя имел для этого силы.

"Дамы и господа. Я прекрасно понимаю ваше положение, ведь, несмотря на мой статус, я такой же человек, и у меня нет доступа ко всему. Страдаете не только вы, но даже те, кого вы ненавидите. Плохо всем. Искать виновных не нужно, ведь все, что происходит прямо сейчас - это результат Новобожия Гиммлера 1111 года, или же, по новой системе - 1 года новой эры", - Барнс, скрестив руки за спиной, начал ходить вперед-назад, рассказывая отрывок из истории мира для продолжения своей речи. "В 1099 году, когда крестоносцы напали на Иерусалим, старый бог умер. По миру прокатилась ударная волна, которая сожгла все, что имело отношение к любым верам... Иерусалим, Мекка, Киев, Рим и Константинополь были полностью уничтожены ударной волной,

а другие города из-за загоревшихся святых писаний горели три месяца".

Барнс ушел в свой рассказ об истории мира с головой, не замечая, о чем кричит толпа, и не обращая внимания на происходящее рядом. Шаткой походкой из-за угла вышел неизвестный мужчина. Его взгляд был пустым, но от этого и пугающим, а дрожащая походка, будто он чем-то болен, еще больше нагоняла жути. Человек, проходя через толпу людей, словно ее и не было, приблизился к офицеру Барнсу и вытащил из рукава короткий нож, но достаточно длинный, чтобы пробить череп и уничтожить важные части мозга. Замахнувшись, он хотел безмолвно убить Барнса, который заметил угрозу только тогда, когда толпа начала не выкрикивать вопросы по типу "И сколько это может продолжаться?", а именно кричать от ужаса. У Барнса не было ни времени, ни сил, чтобы отразить или даже увернуться от удара, дабы не получить серьезного урона.

Новобранцы все так же стояли за стеной и разговаривали о своем, только Вальтер и Герда иногда поглядывали в сторону толпы, дабы убедиться, что все в порядке. После очередной глупой шутки Хуберта, над которой рассмеялись почти все, Вальтер обернулся на крик ужаса толпы и увидел замахивающегося ножом мужика. "Дерьмо", - подумал Вальтер и начал оглядывать лица остальных и друзей, пытаясь увидеть, что кто-то готовится остановить убийцу. Но люди либо не заметили вовсе, либо только заметили и делали все то же са-

мое, что и Вальтер - смотрели на лица других в надежде, что кто-то сделает это за них. Вальтер не хотел никого убивать, он надеялся, что за всю жизнь ему не придется этого делать, но либо он убьет сейчас, либо их самих покарают, и он будет нести на себе груз ответственности за то, что не спас Барнса.

"Почему именно мне приходится это делать?!" - прокричало что-то в его голове, и он схватил не свою винтовку, а рядом лежавшую противочервивую винтовку. Это был более крупный аналог обычной винтовки, созданный специально для уничтожения бронированных червей, которые перестали подчиняться. Схватив ее, он едва устоял, чтобы не упасть, потому что эта винтовка была создана для стрельбы в положении лежа или сидя. Вальтер прицелился точно в голову. В момент спуска курка на его левом глазу выступила слеза, и он тихо сказал: "Прости".

Выстрел. Большая вспышка света и громкий звук ослепили всех присутствующих, а Вальтер от огромной отдачи не устоял и упал на землю, а винтовка едва не придавила его.

Выстрел попал прямо в цель. Голова мужчины от такого попадания не то что разлетелась, а была полностью уничтожена. Не было осметков плоти и мозга - только кровь, которая фонтаном разлетелась во все стороны, испачкав Барнса и нескольких митингующих. Тело мужчины рухнуло на месте, как будто ребенок пытается поставить на ноги плюшевую игрушку. Часть толпы разбежалась еще тогда, когда он достал нож, а сейчас митинг был полностью разогнан, и лю-

ди убегали с криками.

Барнс даже после выстрела стоял на месте и смотрел вверх, туда, где был нападавший, а его одежда и лицо были залиты кровью. Подобные случаи для него в молодости не были редкостью, но страх и отвращение от этого даже спустя годы не вернулись к нему. Простояв в таком положении еще несколько секунд, он перевел взгляд на истекающий кровью безголовый труп, а потом повернулся в сторону новобранцев, которые уже подходили к нему, пока другая часть (среди которых был Рудольф и даже Зигфрид) приводила в себя Вальтера после выстрела.

- Вот оно как, - сказал вслух Альфред, пока новобранцы расспрашивали, все ли с ним в порядке.

Вытерев платком усы и лицо от крови, офицер ответил, что с ним все нормально, и попросил показать того, кто спас его от ножа. Рудольф, услышав это, помахал рукой Барнсу, подзывая его к Вальтеру, который уже стоял на ногах, но все еще находился в ступоре. Не каждый же день ты сносишь голову человеку из бронебойной винтовки, спасая офицера.

Барнс подошел к Вальтеру, оставляя за собой кровавые следы - он наступил в лужу крови.

- Ну же, парень, приди в себя, - просил его офицер, попутно вытирая платком остатки крови на лице.

Вальтер опустил взгляд сначала на его карман, который тут же пропитался кровью от положенного в него платка, а затем - в спокойные глаза Альфреда, будто это происходило

каждый день.

- Здравствуйте, - протянул он, а потом добавил: - Что со мной будет?

Барнс немного наклонился и глянул на свои наручные часы, будто у него было строго отведенное время. Заметив это действие, Герда и Дайон словно запаниковали и тоже глянули на свои часы.

- Ничего за это не будет, я это обещаю. Да и без моих обещаний тебе ничего не было бы... Как там тебя... - Барнс запнулся, желая узнать его имя.

Его быстро понял кто-то в самом конце и ответил: "Вальтер".

- М-м, Вальтер. Вальтер, к тебе никто не подойдет с вопросом, зачем ты это сделал, все вопросы я решу, поверь мне. А сейчас сходи с остальными куда-то, проветришь. Тебе это необходимо, - закончил Барнс и подошел к труп, из которого уже вытекла практически вся кровь, и начал ждать, по всей видимости, других полицейских, которые бежали на выстрел.

Вальтер слышал абсолютно все, сказанное Барнсом. Он не боялся последствий - он убил человека, который, возможно, просто был не в своем уме, и его можно было остановить, не убивая, а затем отправить на лечение, где он показал бы, что он самый обычный человек. Сейчас где-то сидит его жена, мать, дети и ждут его, а он лежит без головы. Парень снова впал в ступор и даже не заметил, как его взяли под руки

Рудольф с Хубертом и они пошли всем отрядом куда-то.

- Да ты, Вальтер, герой. Спас офицера. Даже забавно - он подавлял восстания, а сам чуть не откис от придурка с ножом, - шутил Рудольф.

- Да вообще круто поступил, Вальтер! Еще чуть-чуть, и его убили бы, и никто даже не отреагировал бы, пока ты не взял все в свои руки, не схватил бронебойную винтовку и как...

- А не кажется ли тебе, что Вальтер не очень гордится этим? - Хуберта прервал женский голос.

Обернувшись, Рудольф и Хуберт увидели сначала огненные волосы, идущие позади них, а опустив взгляд вниз - увидели Герду, которая, как всегда, переживала за других больше, чем они сами.

- Вы не видите, что Вальтер не хотел этого делать и он не гордится этим? Может, стоит оставить его со своими мыслями? - возмущалась Герда.

Рудольф почесал затылок и молча согласился с ней, а Хуберт спросил, как можно не гордиться таким поступком, на что тут же получил злой взгляд Герды и косой взгляд

Рудольфа. Подходя к казармам, Герда и Дайон (их общий друг) посмотрели на свои часы, пошептались и сказали всем, что у них есть дела в городе.

Вальтера практически несли. Он пытался перебирать ногами, но они стали словно ватными, и он запутывался в них же. "Я - убийца", - твердил голос в голове. Он, который всю

жизнь хотел всего лучшего для обычного народа, самым первым среди своих знакомых военных убил этого самого простого человека.

Секретный военный штаб под названием "Шертхальм" - это тайное место подготовки командующих, а также штаб принятия решений по контрразведке и экстренным ситуациям. Он находится в лесах вблизи Нового Смертоберга, а сам объект маскируется под заповедную зону для неудавшихся генно-модифицированных червей. Занятия контрразведкой происходят лишь на бумаге: на самом деле они следят за внешними, нечеловеческими угрозами для Вегиммии и коалиции с Белпольшей. Больше всего внимания они приковывают к Черной Орде - государству-паразиту на землях бывшей Гипербореи, которое целиком и полностью состоит из черной биомассы, поглощающей все неживое на своем пути, а живое берущей под свой контроль. Несмотря на все попытки изучить историю происхождения Черной Орды, единственное, что известно - так это то, что это коллективный разум, и этот черный рой стремится поглотить и терраформировать под себя весь мир. Известно, что "дышащая плоть" и "черная плоть" - скорее всего, одно и то же, но черная плоть - это более опасный аналог первого.

Белпольша еще с самого возникновения Черной Орды была живым щитом Европы, сдерживая Орду и даже преуспев в этом. Но на горизонте замаячила угроза. В Балтийском море была замечена подозрительная активность: как считают мно-

гие члены штаба, это черная плоть, движущаяся к берегам Вегиммии. А еще страшнее то, что почти все командующие, офицеры и разведчики находятся на границе с Францией, и ситуация полностью лежит на плечах нескольких молодых офицеров.

Не все в штабе занимаются выявлением угрозы со стороны Черной орды. Как было сказано ранее, это также центр подготовки командующих, и в нем обучается Рим Харнер. Ее не привлекают к вопросам, связанным с Ордой, но она входит в список тех, кто будет принимать решения, если всей верхушки не будет рядом или она погибнет раньше времени.

Штаб был практически пуст: только пара рабочих проходила по коридорам. Они, как и Рим, пользуясь отсутствием верхушки, занимались чем угодно, но не работой. Рим стремилась полжизни в командующие и, как сейчас Вальтер, когда-то тоже сражалась за идею. Но времена идут, и сейчас она здесь из-за высоких зарплат, безопасности и высокого статуса в обществе, который, в силу и без того ее скверного характера, позволял ей вести себя еще более деспотично.

До конца работы оставалось еще несколько шагов, покинуть ее единственным людям в

штабе мешали очень назойливые и упертые охранники, поэтому остаток смены Рим решила проспать в своем кабинете. Стук ее ботинок был единственным звуком на весь корпус, нагоняющим не самые хорошие мысли: "А вдруг Орда высадится?". Но эти мысли были вмиг развеяны, когда де-

вушка вошла в свой кабинет и увидела мягкий стул. На смену им пришли другие думы: "В штабе будто никого больше нет, кто мог бы взять на себя это. Здесь, наверное, есть несколько человек выше меня по званию". Под скрип пола Рим бросила на стол шлем, который обязательно носили даже в штабе (что не могло ее не бесить), и села на стул, запрокинув ноги на стол. В штабе никого не было весь день, и она была предоставлена сама себе без указаний, но почему-то устала, и старый стул, который был сделан еще при Крюгере, показался мягкой кроватью.

Кажется, сиди и спи, но нет. Рим услышала звук бега по коридору, будто бежало несколько испуганных человек. Опустив ноги со стола, девушка стала ожидать момента, пока этот табун пробежит мимо, но дверь была буквально открыта с ноги, и на пороге встали единственные люди, которые оставались в штабе. Все в один голос, испуганно и громко сказали:

- Связываемся с остальными и министерствами, Орда в километре от берега Данцига!

Глава 2. Гниль в правительстве

История циклична. Человечество вновь встретило своих врагов, от которых избавилось уже очень давно. Люди успели забыть, каково это - переживать каждый день как последний. Черная плоть, словно черная краска, плыла в сторону Данцига, смотря своими тысячами глаз на город. Скоро коллективный разум должен был пополниться новыми рабами. Хотя до берега оставался еще километр, жители города уже увидели черную воду с зубами и глазами, которая плыла прямо на них. Город охватила паника. Проповедники Гиммлера, помешанные на вере, предрекали четвертый удар, крича об этом, пока мимо них бежали и кричали люди. Били колокола: те, что возвещали о чрезвычайной ситуации и призывали граждан обратить на это внимание, и те, что стояли на гиммлеровских храмах. Новый судный день настал. Никто из граждан не видел вживую черную плоть, но каждый знал, на что она способна. Дышащая плоть, которую до запрета использовали в качестве подогрева и главного источника энергии, сама по себе была опасной и являлась основной угрозой после второго удара, а черная плоть - еще хуже. Из штаба Шертхальм на блокпосты на окраинах города был отдан приказ - не пропускать граждан до прибытия полиции, солдат и других мобилизованных войск. Тех, кто пытался сбежать из города, убивали на месте. Первая смерть случилась не от по-

глощающего роя, а от таких же людей. Людям на блокпостах не объяснили, что происходит, только сказали, что "в городе есть зараженные - никого не впускать и не выпускать".

В штабе находилось всего четыре человека, принимавших участие в операции по спасению Данцига, но даже так паника была поднята большая. Сильно паниковали трое из них. Не боялся (или делал вид, что не боялся) старший по званию высший офицер специальных групп Ян Пилсудский. Он, как и Барнс, был знатоком своего дела. Но вместо войны с другими людьми он воевал с червями и их же приручал, руководил белпольскими полками при сдерживании набегов Орды и делал еще много чего, с чем не справились бы обычные офицеры. Остальные же носились по штабу и пытались связаться с командующим и министерствами по поводу срочного переноса совещания относительно приближающейся плоти. Совещание должно было состояться только через несколько часов, и на нем присутствовал бы Барнс, но Орда прибыла раньше.

Окружающие все еще находились под действием паники, но наиболее рациональным и здравомыслящим оставался Колът. Обычный офицер, как и Рим, он, однако, обладал навыками в тактике и стратегии лучше, чем кто-либо из присутствующих. Его не повышали по одной причине: его родственники были участниками восстаний при Крюгере. Но насколько хороши были его познания в бою против не-человека? Ян мог бы самостоятельно скоординировать все дей-

ствия и срочно созвать совещание, но ему попросту не давали это сделать, а сам он постоянно ходил где-то сзади - впрочем, он был и не против. "Стадо идиотов", - думал он про себя. Последним человеком в этой "компании" была Шарлотта Гутенберг. Ничем не примечательная девушка, которая находилась здесь в качестве проповедника. Ее бы давно выгнали из штаба, но она оставалась там из-за родственников, которые занимали посты высших проповедников в Вегимской церкви Гиммлера, а также имела некоторые знания по поводу Черной Орды и плоти.

Средств для связи практически не было, а если они и имелись, то нужно было ждать очень долго, и за это время Данциг просто поглотила бы плоть. Одним из доступных методов была система колокольных ударов, и эта система имелась в штабе. О наличии этой системы здесь знал только Кольт, но не сказал об этом никому, так как думал, что в штабе есть более легкие способы связи (хотя новость о приближении плоти к берегу самым первым узнал именно он через эту систему), за что получил оскорбление от Яна и косые взгляды Рим с Шарлоттой, ведь это лишь затягивало время. Кольт повел за собой всех троих и по пути приговаривал, что вот-вот - и они будут на месте. Вышку нашли только тогда, когда Кольт стукнулся лбом о деревянное строение и, подняв голову, увидел ее.

- Пришли. Залезаем по очереди по этой лестнице, а дальше действуем так, как скажу я, - сказал Кольт и отступил от

лестницы, освобождая путь всем остальным.

Без вопросов первым из самого конца их "строя" полез по лестнице вверх Ян, за ним - Шарлотта, а последней была Рим. Переступив несколько ступеней, она остановилась и начала задавать Кольту достаточно глупые вопросы.

- Ты либо слепой, либо как ты не заметил эту вышку, так еще и врезался лбом? Она же вот такая высокая, - сказала Рим, посмотрев вверх и оценивая высоту вышки.

- Из-за высоких деревьев ее не было видно. Так делают, чтобы враг не уничтожил линии связи.

Рим поднялась на несколько ступенек вверх, давая возможность самому Кольту залезть на первую ступень, но после продолжила:

- Ну а как можно было ее не заметить впритык и удариться? Это еще одно доказательство твоей слепоты, Кольт.

Рим сняла свои очки и помахала ими перед Кольтом.

- Рим, если ты сейчас же не замолчишь и не залезешь на эту вышку, то твои очки и ты сама полетите вниз с этой лестницы, - повысив голос, сказал он и подтолкнул Рим рукой сзади. Кольт был спокойным и рассудительным человеком, но если его злили, то он мог сказать много лишнего.

- Ай! Совсем никакого уважения к женщинам у тебя, - высказав свое замечание, девушка продолжила взбираться на вышку, а в конце ей подала руку Шарлотта и помогла быстрее залезть.

Кольт, взобравшись на вышку, оценил обстановку: Шар-

лотта осматривалась по периметру, Рим сидела на платформе и снимала с ладоней содранную от лестницы краску, а Ян ходил вокруг огромного колокола из неизвестного металла. Не успел Кольт рассказать план действий, как Ян начал предполагать, что именно надо будет делать.

- Кольт, я полагаю, ты будешь звонить в этот колокол на каком-то языке?

- Да. "Колокольный язык", так и называется.

Шарлотта вклинилась в разговор:

- А как сообщение дойдет до министерства и остальных присутствующих на совещании? Они же сейчас, наверное, в нескольких десятках километров отсюда.

Кольт показал пальцем куда-то в сторону. Все тут же посмотрели туда.

- На расстоянии нескольких километров отсюда есть еще одна колокольня. Там сидит часовой, который, услышав наше сообщение, должен повторить его и в конце добавить наши координаты. Другой часовой в нескольких километрах от него должен сделать то же самое, и так до тех пор, пока оно не дойдет до ближайшего центра связи, откуда сообщение переадресуют адресату.

- А что от нас требуется, Кольт? - спросила Шарлотта.

- От вас? Ян, ты поможешь мне бить в колокол. Ты, Чарли, знаешь ведь колокольный язык?

- Я? Да, знаю. Еще в детстве в храме меня обучали ему.- Вот и отлично. Составишь сообщение и по моей команде

продиктуешь его по символам.

Кольт подошел к колоколу, который все это время осматривал Ян. Кольт взял рядом висящую веревку, за которую нужно было дергать в определенном направлении для того, чтобы колокол издавал определенный звук, означающий символ, из которых собираются слова.

- Смотри, как надо, - сказал он, подзывая к себе Яна.

В стороне от всех сидела Рим, свесив ноги с платформы и бросая шишки на землю. Она была не против того, что ее не трогают, но в то же время ей было обидно, что на нее даже не обратили внимания.

- А про меня, я так полагаю, все забыли, да? - спросила Рим и тут же получила ответ от Чарли:

- Да ладно тебе. Сидишь, ничего не делаешь. Наоборот хорошо, скоро ведь и секунды не будет, чтобы отдохнуть. - Она сказала это, намекая на скорое совещание, на котором, скорее всего, будут решать, на кого возложат ответственность по разрешению ситуации в Данциге.

Ян дополнил слова Шарлотты:

- Да от тебя помощи как от козла молока. Сиди и дальше свои шишки бросай, а если останемся живы через несколько дней, то изучи, как работает эта чертова система связи.

Для Рим это было чуть ли не оскорблением ее матери и детей, которых у нее никогда не было. Вскочив со своего места, она хотела рассказать Яну занимательную историю о его родных, но успела сделать лишь два шага, как Кольт спросил

у Чарли, готово ли сообщение, и выкрикнул:

- Откройте рты, чтобы не так сильно глушило! Ян, начинаем!

Чарли начала читать непонятные для Рим символы, а Ян просто повторял движения Кольта. Колокольный звон распространился по округе, оглушив Харнер, так как она ничего не сделала, чтобы приглушить этот звук. От громких ударов колокола птицы с чириканьем улетали с веток деревьев. Полностью закончив, все, кроме Рим, начали вслушиваться, ожидая ответа. Спустя десять секунд они слышали достаточно глухой, но различимый стук колокола. Сообщение было успешно отправлено, и вскоре должны были прибыть министры и некоторые члены военного руководства.

Сообщение было доставлено очень быстро, и все четверо ждали приезда на дорогах повозках и породистых лошадях военного руководства и министров. Больше всего ситуацию усугубляло то, что те понятия не имели, что прямо сейчас происходит в Данциге и жив ли он вообще. Никто из них не знал о поведении черной плоти на воде. Шарлотта предполагала, что плоть движется по воде со скоростью несколько сотен метров в час, а Ян, используя знания о скорости передвижения плоти по земле, считал, что город уже давно был заражен. Всем не давал покоя вопрос, что будет на совещании. Но все сошлись во мнении, что там решат, на кого скинут ответственность, и уже морально готовились к грядущей операции по спасению Данцига. Куда легче будет действо-

вать в том случае, если заранее подготовиться, - Кольт уговорил всех составить план операции. Но даже здесь появилось большое количество противоречий. Кольт считал, что держать оборону города нет смысла и нужно эвакуировать всех, кого можно, а потом замедлить наступающего врага. Ян настаивал на необходимости мобилизации береговой охраны и флота, а также организации обороны по берегу. Рим и Чарли по сравнению с ними были просто детьми, ничего не смыслящими в военной тактике, и пытались привести их к компромиссу и разработать наиболее эффективные и безопасные меры. Дальше споров о выборе тактики дело не пошло - приехали министры и военное руководство! В штаб забежали двадцать человек, на которых были опознавательные знаки: здравоохранение, общее военное руководство и МЧС, а Шертхальм был представлен независимой от военного руководства силой для решения ситуации (остальное руководство Шертхальма не прибыло, поэтому все легло на Кольта, Яна, Рим и Чарли). Шертхальм был последним, кто входил в конференц-зал, и почти перед самым входом Кольт остановил Рим и Яна, положив им руки на плечи и заставив обернуться. Смотря на входящую в зал Шарлотту, Кольт шепотом сказал им двоим:

- Прошу вас, не высказывайте раньше времени. Мы даже не подготовили речь, мы не в состоянии вести долгую дискуссию. Прошу вас, говорите тогда, когда настанет наша очередь.

Не став слушать вопросы, он прошел вслед за Чарли и сел на свое место за очень большим круглым столом, в центре которого стояла ваза с цветами. Когда все расселись по своим местам, первым свою речь начал Кольт. Послышался скрип стула об пол, и со своего места поднялась высокая фигура. Кольт начал говорить без бумаги, пока у всех остальных перед глазами лежало огромное количество документов. Взор всех присутствующих пал на Кольта - высокого человека для своего времени (180 см) с ярко выраженным шотландо-английским акцентом, типичным для шотландской нации темным цветом волос и медными глазами.

- Мы собрали вас всех раньше времени сюда, так как подтвердилась информация о приближении Черной плоти к берегам Данцига. По нашим данным, несколько часов назад она находилась в километре от берега, а что происходит сейчас - нам неизвестно. Шертхальм имеет в своем распоряжении базу из опытных военных, сталкивавшихся с Черной Ордой, но прямо сейчас все они отсутствуют и даже банально не выходят на связь. Неизвестно, в порядке ли они. Шертхальм хоть и выступает в качестве основного инструмента против последствий первого, второго и третьего ударов, а также противодействия Черной Орде, но прямо сейчас мы не способны взять ситуацию в свои руки.

Кольт закончил свою речь и молча сел на свое место. Присутствующие пошептались, и после выступило общее военное руководство:

- Мы выступаем за принятие основных боевых решений для защиты суверенитета Вегиммии и альянса против наших врагов. Ситуация прямо сейчас требует военного вмешательства, но такими вопросами во всей Вегиммии занимается только Шертхальм и несколько баз ученых. Но, принимая во внимание их положение, мы считаем, что взять на себя руководство ситуацией должно здравоохранение. Черная плоть является таким же живым существом, а биология - это сфера здравоохранения.

После речи общего военного руководства обстановка в зале начала принимать менее официальный формат. Со всех сторон, кроме Шертхальма, друг другу задавались вопросы: "А почему мы?". После нескольких минут таких перекрикиваний представители здравоохранения выступили со своей речью, которая также была далека от официального стиля:

- А почему именно мы? Мы занимаемся здоровьем человека и человеческого тела, а не чем-то иным. Тем более у нас не имеется ресурсов и связей для организации хотя бы эвакуации. Этим должны заниматься военные и МЧС!

Ситуация полностью вышла из-под контроля. Все обвиняли друг друга и перекладывали ответственность, не пытаясь найти компромисс. Члены Шертхальма сидели на своих местах и молча наблюдали за происходящим. Ян сказал обычным голосом, так как все равно их никто не слушал:

- Эти придурки только казну делить умеют.

Кольт вместе с Рим готовили аргументы на случай, если

придет и их очередь, а Чарли сидела с таким видом, будто ребенка отчитал учитель. Спор в зале длился еще несколько минут, пока одна из сторон не произнесла:

- А почему этим не займется Шертхальм? Они военные, они занимаются Черной плотью, и в их силах организовать эвакуацию!

С этого момента со всех сторон, даже со стороны военного руководства, начали лететь в адрес Шертхальма обвинения и требования взять ситуацию в свои руки.

- У вас должна быть связь с руководством. У вас имеются опытные военные, к примеру вы: Ян и Кольт, - были их основными аргументами. Рим вместе с Кольтом пытались что-то доказать им, но силы были не равны. Рим, как и ожидалось, "взорвалась" в первые же секунды своей речи, и пока Харнер чуть ли не оскорбляла министров, Кольт, хотя тоже легко раздражался, держался и пытался адекватно все объяснить. Их судьба была предрешена еще в самом начале, но они смогли получить для себя некоторые уступки благодаря Шарлотте. Она все это время сидела молча, но, когда Рим и Кольт уже почти смирились с безуспешными попытками снять с себя ответственность, девушка вскочила с места и громче всех начала свою речь:

- Шертхальм готов взять на себя полную ответственность и вину за трагедию в Данциге, а также обязуется ее ликвидировать. Но напомним, что это совещание должно было собираться только через несколько часов и вопросы должны бы-

ли обсуждаться с командующими Шертхальма, в ходе чего мы бы не решали, на кого скинуть ответственность, а совместными силами спасали город. Мы понимаем, что совместного участия в ликвидации не будет до прибытия командования, но выделите для этой операции Шертхальму часть своих ресурсов. Если этого не сделать, то Данциг быстро падет, весь Шертхальм казнят, а потом ответственность за падение города падет на вас по очереди. Прошу, выделите ресурсы!

Чарли замолчала, осмотрела весь зал, который не то чтобы затих, но перестал пытаться перекрикивать друг друга, и села на свое место. Никто со стороны Шертхальма, даже Рим, не посмел возразить Шарлотте, поскольку все понимали, что решать проблему все равно придется им, а так Чарли хотя бы попыталась облегчить ношу их стороны. Общее военное руководство замолчало, а после начало перешептываться, а следом за ним затихли и все остальные стороны.

Уже другой человек, представляющий общее военное руководство, наконец-то встал и огласил свой вердикт, который означал бы: жить ли Шертхальму или же его казнят.

- Мы, общее военное руководство, удивлены, что на подобные речи способны не только Кольт и Ян, но и остальные члены Шертхальма. Мы согласны оказать вам военную поддержку в виде нескольких отрядов военной полиции, огнеметных полков и обычной пехоты, а также организовать линии снабжения. Суммарно это около пятисот солдат, учи-

тывая, что у вас есть свои силы. Также мы предлагаем здравоохранению и МЧС последовать за нами и оказать помощь Шертхальму.

Чарли переполняла эмоции - она смогла убедить военное руководство оказать им помощь, хотя даже не была офицером. От радости девушка захлопала, будто это говорил король Вегиммии, а не просто военная верхушка, которая снисходительно оказала им помощь. Она хлопала в тишине, в одиночестве, и лишь когда краем глаза заметила осуждающие взгляды своих напарников, прекратила. Когда Чарли перестала хлопать, представители МЧС и здравоохранения, не вставая со своих мест, ответили военным в такой же неофициальной манере:

- Это не наши проблемы, и у нас нет подходящих ресурсов. Если все решили, что Шертхальм должен это расхлебывать, то так тому и быть. Совещание окончено.

Не став дожидаться официального заявления о завершении, министры встали и пошли к выходу, а в зале остался только Шертхальм и военное руководство.

- Паскуды, сами же потом будут просить нас спасти их, если их окружают, - сказала Рим, получив поддержку только от Яна.

Кольт, который почти все время представлял Шертхальм, подошел к военному руководству и задал прямой вопрос:

- Когда Шертхальм может ожидать поддержку? Ситуация требует немедленной мобилизации солдат. Он подошел к од-

ному из членов военного руководства и задал этот вопрос, но его перенаправили к другому человеку, который ни разу не говорил на совещании, и Кольт повторил свой вопрос.

- Мы мобилизуем нужные силы сразу же, как у нас появится доступ к быстрой связи. Но это будет небыстро, поэтому для ускорения мобилизации вы сами должны объехать хотя бы несколько казарм.

Военный достал из дипломата небольшую бумажную карту Пруссии с очень большой легендой.

- Смотрите, - подозвал военный Кольта, - здесь, в городе Тчев, находится несколько казарм военной полиции, суммарно сто полицаев, из которых сорок - новобранцы. Вот здесь - Бломберг. Здесь базируются сорок огнеметчиков, а также триста шестнадцать пехотинцев. Все это мы выдаем под ваше распоряжение, пока не прибывает командование Шертхальма... Мы свяжемся с солдатами в Бломберге, а вы езжайте в Тчев, там и солдат меньше.

- Благодарю, - коротко ответил Кольт, развернулся и пошел в сторону напарников. Вслед ему кто-то в самом конце толпы из военного руководства выкрикнул:

- Передайте той девушке, что она сделала больше, чем весь Шертхальм вместе взятый!

Кольт, да и не только он из Шертхальма, услышав это, помрачнел. Исключением стала Чарли. Она, как ребенок, несколько раз подпрыгнула, размахивая руками, отчего ее волосы с бордовыми прядями развеялись в стороны, и за-

кричала:

- Я люблю вас!

Военные полицаи, независимо от места выполнения работы, содержались в казармах на двадцать человек; даже если в городе у них был свой дом, они жили здесь. На дворе уже стояла ночь, но в казармах до сих пор горели керосиновые лампы - еще детское время. Несмотря на имеющийся график, который вплоть до штрафбата запрещал шуметь по ночам, в коррумпированной военной полиции ему никто не следовал, и из помещений были слышны громкие разговоры и смех. Отряд новобранцев проживал в своей собственной казарме, в которой молодые полицаи не на шутку разгулялись. Хуберт и Герда, как обычно, в это время уже спали, Зигфрид разговаривал о чем-то со своей компанией, при этом не подпуская никого к себе ближе, чем на метр, а Рудольф устраивал сомнительные игры с остальными новобранцами. Единственными, кому было не до веселья, оставались Вальтер и Герда. Вальтер все еще не мог переварить случившееся днем, когда он застрелил из бронебойной винтовки обычного человека. Он сидел на втором ярусе своей общей кровати с Дайоном и молча смотрел в пол. Герде было беспокойно из-за Вальтера, его переживания она принимала как свои. Она сидела рядом с ним и положила руку ему на плечо, забравшись на второй ярус под предлогом: "Тут спокойнее, чем внизу".

- До сих пор думаешь об этом?

Герда, как и ожидала, не получила ответа, но продолжила,

не рассчитывая на взаимность:

- Ты поступил правильно, Вальтер. Не только потому, что ты спас Барнса, а еще...

Девушка не смогла подобрать подходящие слова, чтобы сделать свою речь более утешающей, но Вальтер впервые за последнее время смог что-то сказать:

- А еще почему? Какая может быть другая, правильная причина моего поступка?

- Ты сделал это ради нас. Нас всех. Идеальным рычагом оказалось упоминание целей Вальтера. Он, несмотря на все пройденное, до сих пор старался выполнять первозданный долг военной полиции: помогать народу и сослуживцам. Но Вальтер вместо осознания сказанного перевел диалог в совсем другое русло и заговорил в такой манере, в какой практически никогда раньше не изъяснялся:

- Почему ты пытаешься всем угодить, Герда? Неужели ты понимаешь свою беспомощность и бесполезность в нашем отряде, которую пытаешься скрыть помощью остальным?

- Что? Что ты такое вообще говоришь? С каких пор доброта считается попыткой спрятать свою бесполезность? Напомнить, у кого были одни из самых высоких баллов при обучении?

Герда и в самом деле была достаточно бесполезной. Ни физической силой, как у Зигфрида, ни высокими тактическими навыками, которыми обладал, к примеру, тот же Вальтер, она не отличалась. Но и доброй и понимающей ко всем

она была не от осознания этого, а действительно в силу своего характера. Слова Вальтера показались ей бредом, но, немного подумав, она действительно начала осознавать свою бесполезность, хотя и не хотела этого.

- Даже если я бесполезна и добра только потому, что "хочу показаться полезной", то почему многие обращаются ко мне и действительно чувствуют себя лучше? Была бы я такой, ко мне бы не обращались. Вальтер, это обидно.

Вальтер начал осознавать все, что он наговорил этому клубку счастья и доброты. Это вовсе не было похоже на него, что пугало его самого.

- Думаю, ты права. Но вопрос остается открытым: какая была причина моего поступка?

Герда хотела дать ответ, как вдруг с первого яруса выглянула голова Дайона.

- Если бы это сделал не ты, то сделал бы кто-то другой, твой друг. Ты взял на себя чувство греха за другого. Представь, что сейчас было бы с Хубертом или Рудом, если бы они сделали это?

Дайон имел с Гердой необычную связь, которую замечали все служащие. Они понимали друг друга, едва начав разговор, и, прямо как сейчас, дополняли слова другого. Возможно, между ними что-то и было, но подтвердить это никак нельзя. Сказать одно можно точно - они были очень хорошими друзьями.

Сказав это, Дайон залез к Герде и Вальтеру на второй ярус

кровати. Герда хотела сказать все то же самое, но он ее опередил. Улыбнувшись, девушка продолжила:

- Сегодня ты взял на себя эту ответственность, а завтра мы поможем тебе. Ты можешь на нас положиться: на меня, Дайона, Руда, Хуберта, даже Зигфрида и всех остальных.

Вальтер наконец осознал это. Он молча улыбнулся и поднял взгляд к потолку, протирая глаза от сухости, вызванной душным воздухом от двадцати человек в небольшой полицейской казарме. Слова Герды и Дайона не полностью успокоили Вальтера, но ему определенно стало легче, и у него впервые за шестнадцать лет появилось противоречие в его взглядах: "Если человек, как мне кажется, плохой, то является ли он таким на самом деле? Солдат страны врага просто выполняет приказ, прямо как я. Существуют ли плохие люди на самом деле?".

Входная дверь резко распахнулась и с грохотом ударилась о рядом стоящую тумбочку. Все встали по стойке смирно, думая, что пришел кто-то из командующих и сейчас их всех отправят в штрафбаты за нарушение режима, но на пороге стоял обычный полицейский. Как только это поняли, все ожидали, что он попросит еды или воды, как это бывает обычно, но он испуганным голосом произнес: "Все на плац!" - и побежал предупреждать остальные казармы, так же врываясь в них. Новобранцы впали в ступор - ранее такого никогда не происходило, даже на учениях. Списать на шутку старших тоже никто не мог, так как если те и шутили, то

обычно в нетрезвом состоянии, а сейчас... Не найдя другого объяснения, да и получив приказ, вся казарма в домашней одежде выдвинулась к сцене, которая находилась на улице. Предупредили не только их, а вообще все здание. По коридорам шли другие отряды, которые также ничего не понимали и смотрели на проходящих рядом с такими же недоуменными взглядами. Когда они вышли к сцене, у нее уже стояло несколько отрядов, кругами ходили несколько полицейских с винтовками, а на самой сцене стояли пять человек, одетых в именную форму штаба Шертхальма. "Это точно не розыгрыш", - думали пришедшие из казарм полицейские.

Отряд новобранцев, стоял недалеко от сцены, и все присутствующие смогли разглядеть тех, кто находился на ней: Барнса, Рим, Яна, Кольта и Чарли. Для присутствующих Чарли была незнакомкой, в то время как всех остальных знали за их заслуги или, как в случае с Рим, за ее прямую связь с ними. При виде тех, кто стоял на сцене, в головы начали пробираться не самые хорошие мысли и осознание того, что их сейчас отправят воевать, но оставался вопрос - куда. Все перешептывались и ждали, когда руководство начнет говорить. Убедившись, что все казармы пусты, из здания выбежал один из полицейских, который крикнул: "Все на месте!". Кольт, сделав шаг вперед, громко начал рассказывать, почему всех собрали:

- Это не учения. У берегов Данцига была замечена черная плоть, которая приближается к городу. Что происходит

прямо сейчас в городе - неизвестно, возможно, он уже давно пал, поскольку сообщение о приближении мы получили днем. Правительство назначило Шертхальм для ликвидации угрозы в Данциге, выделив вас и другие группы солдат из разных городов. Город, в котором многие из вас выросли, находится в опасности, и медлить нельзя. Прямо сейчас вся часть отправится со мной и другими опытными командующими на ликвидацию угрозы. Что нас ждет - неизвестно. Возможно, нам придется лишь эвакуировать город и не нужно будет сражаться, а может, мы все погибнем за него. Командовать операцией будут опытные военные: я, Ян Пилсудский, Рим Харнер и Альфред Барнс. Несмотря на наш опыт, мы не можем гарантировать успех операции, но каждый, кто примет в ней участие, будет удостоен звания героя Вегимии.

Паника среди полицейских началась сразу же, как только Кольт сказал про черную плоть в Данциге. Кого-то напугало то, что придется воевать с тем, о чем ничего не известно, кто-то боялся за свой город, кто-то - просто за свою жизнь, и было еще множество причин. Отряд новобранцев (они были единственными новобранцами в этой части) стоял на месте, только иногда перешептываясь, и будто ждал действий окружающих. Но в головах у них творился суший кошмар. Хуберт, который был родом из Данцига, просто стоял в ступоре от осознания того, что с его родителями могло что-то случиться. Рудольф и Зигфрид боялись за свои жизни, к то-

му же Зигфрид тоже был родом из Данцига. Единственными, кто не боялся отправиться в город, были Вальтер, Герда и Дайон. Остальные члены отряда волновались не меньше других. Три друга Зигфрида - Макс, Магнус и Курт - сразу же решили, что сбегут, как только появится возможность. София и Клаус, как серые мыши в отряде, просто смирились со своей участью, так как терять им было просто нечего, а у Магнуса, который был как второй Вальтер и сражался за идею, тут же сломались все его представления, и он захотел вообще уйти из военного дела.

- Эй, Руд, что ты будешь делать? - спросил стоявший рядом с Рудольфом Вальтер, который осматривал каждого из своего отряда. Дольше всего он смотрел на лица - по ним можно было понять намерения человека, но Вальтер решил убедиться в этом, спросив друга.

- Я... не знаю. Будет возможность - убегу.
- И зачем ты тогда вообще шел в военную полицию?
- Вальтер, я тебе объяснял свою позицию кучу раз.
- Но ты же должен был предполагать, что тебе все равно придется делать что-то подобное.

- Предполагал, но в мои задачи входит разгон митингов и карательные операции, а не чертово уничтожение черной плоти!

Осознание пришло к Вальтеру. Действительно - это не входит в их обязанности, сейчас их отправляют туда, где даже обычные пехотинцы не смогут воевать. Он понял это, но

своего мнения не изменил - он должен отправиться в город.

Напряжение среди всех отрядов достигло своего апогея. В сторону Кольта и остальных на сцене летели оскорбления, люди считали, что их отправляют на "мясной штурм", чтобы хоть немного задержать врага. Следом за оскорблениями началось дезертирство. Сначала сцену начали покидать старшие, а затем и все остальные. Взгляды и мысли Рим были очень схожи со взглядами Яна, пусть они и жили как кошка с собакой. Возможно, она поняла бы дезертирство, но ее оскорбили, а такого она оставить просто так не могла, и ей захотелось отомстить. Она надеялась, что у Шертхальма остались силы, и если наказать дезертиров, то ничего не изменится. Она подошла к Яну и спросила, что он думает насчет массового дезертирства, так как ни Барнс, ни Кольт ничего не говорили и только молчали.

- Янчик, ты же имеешь те же права, что и Кольт?

- Имею, но к чему ты это спрашиваешь?

- Тебе не кажется, что вот эти... - Рим показала пальцем в сторону уходящих полицейских, и это заметил отряд новобранцев, у которых Рим иногда преподавала. Это заметил Рудольф и, зная ее, несмотря на тревогу и желание также уйти (что уже успешно сделали Магнус, Макс и Курт, а следом за ними собирались уйти сам Рудольф и Зигфрид), сказал об этом всем своим и попросил "ничего такого не делать, на всякий случай".

- ...Что вот эти много себе позволяют? Вроде был приказ,

а они оскорбили и сваливают.

- Ну, хоть в чем-то я с тобой согласен. Было бы у меня больше прав, я бы их просто в мясной штурм отправил.

- Ну, я не про это... Ты можешь приказать смотрящим пресекать дезертирство? Пускай страдают.

- А, ты про это. С радостью... Да и если все уйдут, то нас военное руководство лично казнит.

Ян с улыбкой подошел к Кольту, отошел от него на шаг и отдал свой приказ. Барнс, Шарлотта и Кольт смотрели на него осуждающе, но понимали его действия и чего-то ждали... Наверное, как и эти дезертиры: ждали, пока кто-нибудь выступит против приказа Яна. - Дезертиры будут наказаны. Каждый, кто покинет сейчас этот плац, будет задержан и казнен. Это приказ, - отдал короткий приказ Ян, и смотрящие полицейские начали хватать уходящих. Но сил просто не хватало, чтобы задержать более сорока человек, и часть из них успела сбежать, а многие другие начали давать отпор. Дело дошло до массовой драки, в которой не принимали участия только тридцать из восьмидесяти поднятых полицейских (в том числе и отряд новобранцев). Магнуса, Макса и Курта также настигли - на них накинулись шестеро полицейских, и они ничего не смогли им сделать. Задерживали дезертиров как могли. Избивали, пытались вырубить ударом в голову, а некоторых избивали до предсмертного состояния, и те валялись в луже своей же мочи и крови.

Все из отряда новобранцев последовали совету Рудольфа

и ничего не делали до слов Яна, да и после его слов оставались на местах, видя, что происходит.

- Ого... Повезло же мне это ляпнуть, - дрожащим голосом сказал Рудольф, не до конца осознавая, что спас своих друзей и напарников от правосудия. Вальтер не двигался с места, так как боялся, что их могут посчитать за дезертиров, но посмелел, когда Руда похвалил Хуберт, а следом за ним со спины его обняла Герда. Даже Зигфрид не остался в стороне и поблагодарил его, добавив, что если бы он ушел, то повторил бы участь своих друзей: его большая физическая сила не спасла бы его от шести взрослых мужчин. Поняв, что за ними никто не идет, Вальтер подошел к Рудольфу, которого все еще обнимала Герда.

- Отлично, Руд. Ты все еще хочешь уйти отсюда?

Вальтер сказал это, намекая не только на то, что их казнят, а на то, что он нужен всем им, и вместе они смогут выбраться живыми из Данцига.

- Честно, я все еще хочу уйти... Идея погибнуть или стать пешкой черной твари меня не очень привлекает.

- Меня тоже, Вальтер. От того, что Рудольф отдалил нашу смерть на несколько часов, я все еще хочу свалить куда подальше, - вклинился в разговор Зигфрид.

- Что? Тебя даже не волн... - Вальтера прервал голос Барнса со сцены.

- Полицейские, мы понимаем, почему вы уходите отсюда, даже не боясь правосудия. Идея погибнуть неизвестно от че-

го меня тоже не очень-то привлекает. Сегодня мы даем право покинуть это место каждому, кто не может преодолеть свой страх. Но помните, что, уйдя сейчас, вы оставите своих матерей, братьев, сестер, отцов и других близких в Данциге и, возможно, никогда их больше не увидите. А те, кто остается и согласен погибнуть в Данциге, пожалуйста, оставайтесь на своих местах. Благодаря вам ваши семьи в городе не познают страха перед гитлеровскими отродьями.

На сцене все-таки Барнс решился отдать приказ, разрешающий дезертирство. Этого, возможно, и не произошло бы, если бы чуть ранее на этой же сцене Рим не заметила отряд новобранцев и в нем Рудольфа. Ян и Харнер смотрели на плоды своего сада хаоса, позабыв, что они должны, наоборот, пресекать его. Ее взгляд зацепился за тех, кто не поддался панике и стоял на месте. Не было ни одного другого отряда, который стоял бы в полном составе. Но в наибольшем составе был именно отряд новобранцев. "Самоубийцы", - подумала она и неожиданно заметила знакомую фигуру. Присмотревшись, она увидела своего двоюродного брата - Рудольфа. Рим было все равно на него, факт его наличия здесь ее не позабавил, и она сообщила об этом всем остальным в шуточной форме. Барнс, который очень высоко ставил семью и родственников, определенно не оценил ее шутку и подумал, что она так пытается скрыть свою тревогу за родственника. Следом за этой мыслью он представил, как будут горевать семьи тех, кого казнят за дезертирство, и он отдал

приказ, который никто не осмелился нарушить.

Приказ Барнса прозвучал как слова ангела, освобождающие каждого присутствующего от невидимых магических оков. По очереди даже те, кто стоял здесь после приказа Яна и Рим, начали уходить, в том числе и те полицейские, которые ловили дезертиров. Из ранее стоявших тридцати человек число постепенно уменьшалось... В их числе были Рудольф, Зигфрид и Клаус. Зигфрид с Клаусом молча начали уходить, а Рудольф прощался со всеми, будто понимая, что, возможно, их больше не встретит, или ожидая, что его начнут упрашивать остаться.

Как и ожидалось, их начали упрашивать не уходить. Клаус, как обычно, никого не слушал и ушел, пока остальные пытались отстоять и объяснить свою позицию ухода. Зигфрид стоял в нескольких метрах от основной группы, а немного дальше от него, но ближе к остальным - Рудольф. Никто особо не хотел, чтобы Зигфрид оставался, но все понимали, насколько он будет полезен в операции, а Вальтер, Герда и Дайон, несмотря на натянутые отношения, все же ценили его.

- Я сказал нет, - в очередной раз выкрикнул Зигфрид в ответ на уговоры. Лидера в их отряде не было, но и наиболее "уважаемым" в нем Вальтера нельзя было назвать. Куда больше лидером можно было назвать Зигфрида или даже Рудольфа, но Вальтер часто выступал в роли "дипломата".

- Ну если нет, то почему ты не уходишь? - спросил Валь-

тер.

- Да забавно понаблюдать, как вы пытаетесь меня уговорить.

- А может, ты не хочешь уходить и готов отправиться в Данциг из-за родни в городе, но что-то тебя останавливает?

- А-а... Ну, за родню в нем я действительно волнуюсь и собираюсь отправиться туда самостоятельно, не пушечным мясом. Ладно, Вальтер, это звучит убедительно, но недостаточно. Если я вам так нужен, то какие еще аргументы ты используешь, чтобы меня убедить остаться с вами?

- Я тебя понял. А в чем тогда проблема отправиться с военными, имея при себе оружие в городе? Так, если что-то случится, ты сможешь спасти свою родню, а отправившись самостоятельно - ты не сможешь ее спасти. Напомню, что нам нельзя выходить с оружием за пределы Тчева.

Зигфрид хотел возразить, сказав, что он возьмет с собой оружие, но Вальтер опередил его и упомянул про ношение оружия. Он все-таки согласился участвовать в операции.

Настала очередь уговоров для Рудольфа. Все возложили надежды на Вальтера, так как он проявил себя как хороший дипломат, и даже Зигфрид понадеялся, что он сможет уговорить Руда остаться, но тот был ни в какую. "Мне незачем отправляться в Данциг умирать. Вся родня в Килене", - было его главным аргументом, который стоял как стена. Вальтер не мог найти рычаг давления и почти сдался. Но этот самый рычаг нашел Хуберт:

- В смысле тебе нечего терять? А как же мы сами?

На секунду Рудольф представил картину: раскиданные во все стороны органы, тела, покрытые черной плотью. Эта картина, наоборот, должна была еще сильнее отпугнуть его от участия в операции, но Руд понял, что друзей, кроме тех, что стоят прямо сейчас перед ним, у него больше и нет. Он замолчал, обдумывая слова Хуберта. Следом за ним подобное сказали остальные, и Рудольф полностью сломался и согласился остаться после слов Зигфрида и Герды.

Теперь вместо тридцати человек здесь стояло только двадцать, и это было финальным числом. Вместо обещанных ста полицейских на самом деле оказалось в пять раз меньше. Малый толк от двадцати военных полицейских подметила даже Шарлотта, далекая от военного дела. Хотя Кольт осознавал это, он попытался даже тут найти свои плюсы: "Зато двадцатую управлять легче". Но даже это было разбито репликой Рим:

- Это еще хуже. Кроме банальной нехватки сил, от их малого числа, не дай бог, мы еще к ним привяжемся, и если сдохнет один, то такая потеря будет...

- Кстати о привязанности, - добавил Альфред Барнс, наблюдая за тем, как Зигфрида и Рудольфа уговаривали не уходить, и показал на них пальцем. - Может, смерть каждого и будет моральным ударом, но от этой же привязанности, как сказал Кольт, ими будет легче управлять. Я даже к одному успел привязаться: вон к тому, с белыми волосами.

Он указывал на Вальтера.

- Этот парень сегодня меня спас. Хотя я едва запомнил его имя - Вальтер, я успел к нему привязаться и вижу в нем хорошего воина, а еще под нашим общим командованием... Ладно, ребята.

Барнс развернулся и пошел к лестнице вниз.

- Начинаем готовить их к отправке в Данциг. Отряд, в котором Вальтер, поместите в нашу общую повозку, мест должно хватить. Хочу "привязаться" к ним.

- Странный мужик, - сказал Ян, когда Барнс полностью ушел из поля зрения.

- Ну, есть такое, - добавила Рим.

Следующий приказ по сбору военных отдал Кольт, пока остальные пошли следом за Барнсом к стойлу с лошадьми. Так как людей было немного и не было непосредственной угрозы, Кольт спустился со сцены и лично отдал приказ всем начать готовиться: одеться в боевую форму с броней (они до сих пор стояли в домашней одежде), взять винтовки и патроны. Он сам за более чем двадцатилетний опыт военного дела никогда не привязывался к солдатам, но ценил их и не отправлял в мясные штурмы. Но сейчас... Что-то странное он испытал, особенно вспоминая слова Барнса. Возможно, это из-за того, что он отдал приказ им лично, а не произнося его со сцены или выкрикивая в окопе.

Уже через час все были собраны и сидели в повозках, ожидая, когда они прибудут на место. Хотя на дворе был час но-

чи и мотыльки кружили над лампой, которая освещала все повозки и путь конюху, никто не спал, а надо было. Все волновались за предстоящую операцию - не умрут ли они хотя бы? Но в повозке, где находился отряд новобранцев (в нем вместо одиннадцати человек осталось только семеро), не спали из-за разговора с членами Шертхальма: Кольтом, Яном и Рим. Шарлотта была как пустое место - оно и неудивительно, она сама это понимала и не возражала. Вне Шертхальма здесь был и Барнс. Многих интересовал вопрос, почему Барнс присутствует здесь, ведь он не имеет никакого отношения к Шертхальму, на что тот ответил, что Шертхальм сам его нашел и попросил просто помочь собрать полицейских, но он сам предложил свою помощь в участии в операции. Помимо военных вопросов они разговаривали и о жизни. Барнс много расспрашивал Вальтера, а остальные спрашивали точно так же много об остальных. Между Рудольфом и Рим было странное напряжение. Руд будто бы стеснялся и даже боялся ее. Помимо того, что это офицер, так еще и его двоюродная сестра - для него это был настоящий повод чувствовать себя неловко. Рим же была в напряжении от того, что ей было все равно на своего брата тогда, когда она его заметила со сцены, хотя сам Рудольф не знал этого.

Разговор и дальше шел в околосдружественной атмосфере, пока Софья, которая все время молчала и боялась за свою жизнь, не задала вопрос:

- Как будет проходить операция?

В повозке нависло молчание, и его прервала Рим.

- Буду честной - мы не имеем даже наброска плана и представлений о его исполнении. Последняя актуальная информация была получена еще в обед, а сейчас глубокая ночь. Основная проблема состоит в том, что мы практически ничего не знаем о нашем враге. Ни его скорости передвижения, ни его разума...

В воздухе повисла тишина, которую прервал голос Яна, который все это время только и отвечал на вопросы, не задавая встречных:

- Ну откуда твоей пустой голове знать, что у нас имеются знания о черной плоти.

- Это у меня пустая голова? А у самого-то что?

- У меня-то все на месте, а у тебя... У нас есть примерные данные по скорости передвижения этой черной сопли по воде - около двух километров в час, учитывая ее скорость перемещения по суше.

- Ну вот, очередное доказательство твоей тупоголовости, белакрустик. Сам же еще днем говорил совсем другие цифры, а сейчас откуда-то два километра взялось.

- А может, я умею анализировать данные и распознавать свои ошибки? В отличие от тебя, которая в упор не видит свои же промахи.

- Ой, ошибки у него, видите ли. Что-то ты слишком часто ошибаешься. Ты уверен, что эти твои два километра - точная информация, а не очередная "ашипка", которую ты ве-

ликодушно признаешь?

- Вообще-то...

Послышался голос Шарлотты, которая наконец-то что-то сказала:

- У нас есть некоторые данные по черной плоти. Несколько недель назад в гиммлеровском храме, недалеко от Килена, проводились некоторые обряды с плотью. Я точно не помню, так как была тогда в алтаре, но оказалось, что плоть, которая находится далеко от... допустим, "матки", не подчиняется ей, а имеет свою автономию. Повторюсь, я не знаю, насколько это истина и насколько хорошо я все слышала, но надеюсь, что это как-то поможет... вам.

Чарли посмотрела в пол, будто в чем-то провинилась.

- Ну молодец, рассказала военную тайну тем, кто не должен этого слышать, - ответил Ян, и следом за ним заговорил Барнс.

- Да ладно тебе, Ян. Эта информация не доказана, так что, думаю, ничего страшного здесь нет, и я надеюсь, что эти прекрасные полицейские не будут ее разглашать...

В очередной раз давящая на всех тишина повисла в воздухе, а Рим и Ян очень нехорошо зыркали друг на друга.

- Вы так сильно ненавидите друг друга, что от этого даже мило, офицеры Ян и Рим, - сказал Вальтер, хотя такое обычно говорила Герда.

Рим куда лучше принимала комплименты от Яна, отчего засмушалась и отшутилась, а Ян что-то проямлил и, скре-

стив руки, закрыл глаза.

Повозки шли еще несколько часов и прибыли к городу тогда, когда уже начало светать. Сигналы о большой трагедии поступали все сильнее по мере приближения к Данцигу. Сначала это были просто толпы людей, которые шли в противоположном направлении от города, и на их лицах читался ужас, а потом они стали встречать повозки служб. Приближаясь еще ближе, все увидели ужасную картину. В небо из города поднимались облака дыма, а местами он был чересчур черным. Когда стало видно море, все заметили, что оно было практически полностью черным, с зубами и глазами. От этой картины у некоторых началась истерика, которая усилилась тогда, когда они приехали. Город был примерно на четверть заражен черной плотью. Глазам полицейских предстала картина, как черная плоть под своим весом повалила большую колокольню, которая еще до этого гремела...

- Мы... в аду? - спросил кто-то из новобранцев.

Кольт, не поворачиваясь, ответил:

- Это только гиммлеровское чистилище. Ад еще впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.